

Л. П. Веремчук

Исторические особенности Американской революции XVIII в. в трактовке Алексиса Токвиля

L. P. Veremchuk

Historical Peculiarities of the American Revolution of the XVIII Century Interpreted by Alexis de Tocqueville

Статья посвящена анализу идей Алексиса Токвиля относительно специфики Американской революции XVIII в. Эта сторона исторической концепции ученого до сих пор не привлекала внимания исследователей. Вместе с тем она составляет один из сильных её элементов, содержит характеристики и оценки, не утратившие актуальности и сегодня.

Ключевые слова: революция, власть, государство, элита, эгалитаризм, Токвиль.

Одной из центральных проблем научного творчества крупнейшего французского социолога, политолога, историка первой половины XIX в. Алексиса Токвиля стала проблема истории революционных движений в Западном мире в начале Нового времени. Их масштабность, глубина преобразовательного воздействия на общество обратили внимание ученого на специфику региональных и национальных проявлений этих движений — Великого мятежа в Англии, Великой революции во Франции, Войны за независимость и революции XVIII в. в английских североамериканских колониях.

Настоящая статья посвящена анализу идей Токвиля относительно специфики Американской революции XVIII в. Эта сторона исторической концепции ученого не привлекала внимания исследователей, однако она составляет один из сильных ее элементов, содержит характеристики и оценки, не утратившие актуальности и сегодня.

Токвиль не развернул характеристики собственно событий Американской революции, однако воссоздал их общую картину и прокомментировал их отдельные фрагменты. Вместе с тем многие из его суждений этого ряда заслуживают пристального внимания. К их числу относится прежде всего трактовка исследователем специфики хронологии Американской революции и войны за независимость — проблемы, которая и сегодня решается в исторической науке неоднозначно.

Н. Н. Болховитинов справедливо обращает внимание на то, что даже в самой американской историографии нет единства мнений по этому вопросу. Хронология собственно событий революции, как пра-

The article analyses ideas of Alexis de Tocqueville concerning specific features of the American revolution of the XVIII century. This aspect of the de Tocqueville's historical concept has not been studied by researches earlier. At the same time it is one of the strongest elements of the concept; it is characterized by features and evaluations which are still vital today.

Key words: revolution, power, state, elite, egalitarian, Tocqueville.

вило, смешивается с хронологией войны за независимость, хотя по времени в этих событиях нет полного совпадения [1, с. 103–105].

С точностью хронология Американской революции XVIII в. не определена и в отечественной историографии. Она не всегда акцентирована даже в учебных изданиях [2].

В решении этого спорного вопроса точка зрения Токвиля привлекает глубиной взгляда на проблему. Он как раз обратил внимание на то обстоятельство, что война за независимость и связанные с ней собственно буржуазные революционные преобразования не совсем совпадали по времени — в частности, в их завершающей дате. Ученый утверждал, что временем подписания мирного договора мятежных штатов с Англией в 1783 г., которым окончилась война за независимость, нельзя завершать события собственно Американской революции. Он акцентировал внимание на том факте, что после этого рубежа революционные преобразования в стране продолжались. Более того, именно на завершающем этапе революция решила свои важнейшие задачи — формирование республиканского политического строя, идеологических и конституционных основ нового государства.

Важнейшую роль в этом Токвиль вполне обоснованно отводил законотворческой деятельности конституционного конвента, собравшегося в Филадельфии в 1787 г. под председательством Джорджа Вашингтона. Он так писал о событиях революции этого периода: «Когда недостатки первой конституции стали для всех очевидными, брожение политических страстей, вылившееся в революцию, отчасти уже улеглось, а все великие люди, порожден-

ные этой революцией, были еще живы. Для Америки это оказалось двойной удачей. В немногочисленной ассамблее, которая принялась за составление второй конституции, участвовали лучшие умы и благороднейшие характеры, которые когда-либо встречались в Новом Свете. Председательствовал на этой ассамблее Джордж Вашингтон» [3, с. 102].

В события революции исследователь включал ожесточенную политическую дискуссию, развернувшуюся в штатах в связи с обсуждением ими текста конституции, разработанной филадельфийским конституционным конвентом. Он показал, что это обсуждение завершилось лишь в 1789 г. тем позитивным для развития американского демократического строя фактом, что по требованию большинства штатов конституция была дополнена знаменитым «Биллем о правах» и ратифицирована. Именно с тех пор она является действующей.

Повествуя об этих событиях, Токвиль писал: «Эта общенациональная комиссия после продолжительных и вдумчивых обсуждений представила, наконец, на утверждение народа свод основных законов, которые вплоть до наших дней определяют жизнь Союза. Постепенно все штаты один за другим приняли его. Новое федеральное правительство приступило к исполнению своих обязанностей в 1789 г., после двухлетнего периода междуцарствия. Таким образом, Американская революция кончилась как раз тогда, когда началась наша» [3, с. 102]. Следовательно, датой завершения Американской революции Токвиль считал 1789 г.

Одним из первых ученых обратился к осмыслению специфики собственно событий этой революции в сравнении с Великой французской революцией, европейским революционным процессом в целом. Не будет преувеличением сказать, что выявление этой специфики составило важнейший элемент всех размышлений Токвиля о содержании революционной трансформации западных обществ от феодализма к буржуазной социальности, изложенных на страницах книги об американской демократии.

Сравнительный анализ этих процессов исследователь начал с событий войны североамериканских колоний Англии за независимость. Сопоставление исторических фактов приводило его к выводу о том, что собственно война за независимость отнюдь не была явлением уникальным. Примеров стремления народов к независимости и борьбы за нее ученый находил в истории множество [3, с. 102].

Вместе с тем А. Токвиль отмечал, что бытующие представления о масштабах и накале освободительной войны штатов на самом деле «сильно преувеличены» [3, с. 102]. Исследователь считал, что своей победой над противником они были обязаны не «силе своего оружия или патриотизму граждан», а двум следующим факторам: прежде всего особенностям геогра-

фического положения страны, во-первых, тем, что она была отделена от своего противника огромным океаническим пространством; во-вторых, поддержке со стороны «могущественного союзника» [3, с. 102].

В цитируемом тексте информацию об этом союзнике Токвиль не развернул, однако она общеизвестна. Главным и, по сути, единственным союзником мятежных колоний в их борьбе против метрополии была монархическая Франция. В 1778 г., используя давнишние англо-французские противоречия, североамериканские штаты заключили с Францией военный союз, сыгравший важную роль в исходе борьбы. Еще до начала дипломатических переговоров и принятия официальных политических решений Франция стала производить поставки восставшим колониям оружия, снаряжения, боеприпасов [4; 5]. Французские добровольцы героически сражались в битвах американской войны: Лафайет, Сен-Симон, десятки молодых французов.

Сравнительный анализ войны североамериканских штатов за независимость и свое утверждение о том, что масштабы и накал этой войны были сильно преувеличены, Токвиль построил на параллели с войнами Великой французской революции.

Сопоставляя эти исторические события, ученый писал: «Кто решился бы сравнить войну американцев с войнами периода Французской революции, а усилия Соединенных Штатов — с нашими усилиями, когда Франция, отражая атаки буквально всей Европы, без денег, без кредитов, без союзников, бросала двадцатую часть своего населения навстречу неприятелю, одной рукой туша пожар, охвативший всю страну, а в другой держа факел, освещающий все вокруг?» [3, с. 102].

«Без союзников»! Не содержится ли в этих словах глухой укор правительству молодой американской республики, отказавшему революционной Франции в критический момент ее истории в действенной союзнической помощи?

Таким образом, в фактах собственно войны североамериканских колоний за независимость Токвиль не увидел значимых особенностей и поместил их в ряду других явлений такого же порядка.

Главный момент специфики американских событий исследователь усмотрел в содержащихся в них собственно революционных преобразованиях. В этом отношении он выделял последние годы революции. В феврале 1787 г. конгресс конфедерации штатов сделал заявление о прекращении своих полномочий, о необходимости создания новой взамен «Статей конфедерации» конституции государства и начале подготовки с этой целью созыва учредительного конституционного конвента. Правительство конфедерации «официально объявило себя недееспособным и призвало на помощь учредительную власть», — пишет об этом Токвиль [3, с. 102]. 1789 г. стал временем, когда правительство, избранное уже на основе нового обще-

государственного закона, приступило к исполнению своих обязанностей.

В событиях этих последних лет (1787–1789 гг.) Американской революции исследователь усмотрел главные ее особенности в сравнении с революциями европейскими и, соответственно, главный момент ее новизны. Он утверждал, что эти особенности заключались даже не в содержании самого преобразовательного процесса, а в том методе политического действия, который избрали как ее руководящая элита, так и демократическое большинство американского общества. В сложной политической ситуации прекращения действия «Статей конфедерации» и длительной процедуры разработки и утверждения новой конституции демократическое большинство нации отодвинуло на задний план силовые методы отстаивания своих интересов и выразило готовность к достижению политического компромисса с элитой.

Выражая эту особенность Американской революции, исследователь писал: новое в истории человечества состояло в том, что «великий народ, извещенный своими законодателями об остановке правительственной машины, без излишней поспешности, и без страха обратил внимание на самого себя, оценил глубину зла и, сдерживая себя на протяжении двух лет, попытался найти то средство, которое бы его спасло, а уже найдя это средство, подчинился ему добровольно, не пролив ни единой слезы и ни малейшей капли крови» [3, с. 102].

Главную заслугу американской политической элиты в разрешении проблем этого двухлетия революции Токвиль усмотрел в том, что она оказалась способной проявить дальновидность, сдержанность, политический реализм, осторожность, прагматизм в принятии и осуществлении ответственных решений, способность пойти на разумные уступки демократическому большинству.

Не менее высоко он оценил политическое поведение и другой из противоборствующих сторон — низших слоев общества, демократической массы. Ученый хвалил их за политическое трезвомыслие, способность вести борьбу в рамках парламентских дискуссий и политического диалога, за умение идти на осознанный компромисс с руководящими силами общества.

В этих действиях элиты и демократического большинства Токвиль усмотрел выражение той самой согласительной-договорной политической культуры, которая являлась его идеалом, выводилась им из традиций английской парламентской практики, а в североамериканских штатах сформировалась в общенациональную культуру.

Вершиной торжества элиты ученый считал деятельность Филадельфийского конституционного конгресса. Он акцентировал то действительное обстоятельство, что не якобинизм, не кровопролитие

и террор, а политические средства борьбы и разумные компромиссы восторжествовали на этом решающем этапе революции [3, с. 102].

Характеризуя соотношение двух сил — политической элиты и демократического большинства — в только что освободившихся колониях, Токвиль настойчиво подчеркивал его консенсусное начало, совпадение основополагающих политических ценностей участников диалога. Повествуя о том, что в Американской революции столкнулись две «древние как сам мир» политические установки — стремление ограничить власть народа и желание безмерно ее расширить, — исследователь утверждал: «Борьба между этими двумя течениями никогда не доходила в Америке до ожесточения, как это случалось в других странах. Здесь взгляды и тех, и других на основные вопросы совпадали. Для победы одного из них не нужно было ни разрушать старый порядок, ни изменять общественное устройство. Стремление добиться торжества своих принципов не ставило под угрозу жизни многих людей» [3, с. 145]. Ученый подчеркивал, что этот консенсус подвел под американский политический порядок стабильное и прочное основание.

Особенностью Американской революции Токвиль также считал то, что она являлась более зрелой в сравнении с европейскими революциями XVII–XVIII вв., осуществилась на более высоком уровне развития буржуазных отношений, была произведена обществом, более подготовленным к реализации либеральных идеалов и республиканских программ государственно-политического строительства. «Революция в Соединенных Штатах, — утверждал он, — была плодом зрелого и продуманного стремления к свободе, а не какого-то неопределенного, инстинктивного желания независимости. Она отнюдь не была вызвана стремлением к беспорядку; напротив, она шла под знаком любви к порядку и законности» [3, с. 72].

Токвиль указывал на то, что уже в колониальный период, а затем в ходе собственно революционных событий американцы проявили зрелость ментальных установок на основополагающие политические ценности нового общества — законность, стабильность, гражданские обязанности, гражданскую ответственность. «В Соединенных Штатах, — писал он, выражая эту мысль, — никто и не считал, что человек в свободной стране может иметь право делать абсолютно все, что захочет; напротив, у него как у гражданина появились еще более разнообразные, чем у кого-либо в других странах, обязанности; не было даже намерения ни оспаривать тот принцип, что власть принадлежит обществу, ни оспаривать у общества его права на власть» [3, с. 72].

Главным же выражением зрелости Американской революции ученый считал достаточно высокий уровень развития демократических начал в обществе к моменту, когда она разразилась. В этом отноше-

нии он выделял североамериканские колонии Англии из числа колоний, основанных на континенте другими европейскими державами. Указывая на то, что «все народы Америки имеют демократическое общественное устройство», Токвиль вместе с тем подчеркивал — «демократические учреждения процветают только у англо-американцев» [3, с. 231].

Демократические начала этих колоний представлялись ему более зрелыми и в сравнении с их метрополией, которая даже в XVIII в. оставалась «по преимуществу аристократическим государством, хотя и обладала заметными демократическими чертами» [3, с. 197].

Особенность Американской революции исследователь усматривал также в том, что феодальные отношения не получили в штатах полного и глубокого развития. Это снижало остроту социальных противоречий в американском обществе предреволюционного и революционного времени. Ему не пришлось пережить тех страданий и бед, какие пережила Европа в революционную эпоху своей истории.

Об этой эпохе Токвиль писал: «Что касается меня, то когда я вижу, с какой мукой любые аристократические сословия смешиваются с народными массами, к каким крайним мерам они прибегают для того, чтобы в течение веков сохранять воображаемые границы, которые отделяют их от народа, во мне угасает всякая надежда на то, что неравенство, основанное на явных и вечных признаках, когда-либо исчезнет» [3, с. 254].

В Америке он увидел другую ситуацию. В этой стране не существовало давности сословных привилегий, они не были укоренены и освящены традицией; поэтому американская немногочисленная феодальная элита сравнительно легко подчинилась победившей демократии. Обращаясь к доказательству этой идеи методом «от противного», исследователь писал: «Если бы в Америке существовал класс, который законодатели стремились бы лишить каких-либо исключительных, существовавших веками преимуществ, с тем чтобы поставить его в такое же положение, какое занимает большинство граждан, то, возможно, было бы совсем не просто заставить это меньшинство подчиняться законам» [3, с. 195].

Достаточная зрелость демократического общества, с одной стороны, неразвитость и неукорененность феодальных структур — с другой придали Американской революции ту ее действительную особенность, что сила преобразовательной деятельности в большей степени оказалась сосредоточенной на углублении, развитии, легитимизации, созидании новых форм, нежели на разрушении старых.

Исходя из этих наблюдений исследователь дал ее событиям следующую оценку: «У американцев имеется то огромное преимущество, что они достигли демократии, не испытав демократических революций, и что они не добивались равенства, а были равными с рождения» [3, с. 375].

В североамериканских штатах, утверждал историк, революция свершилась «простым и легким способом, или, вернее сказать, эта страна пользуется результатами той демократической революции, которая происходит у нас, не изведав самого революционного переворота» [3, с. 34]. Эту мысль он повторил многократно [3, с. 195, 231].

Смысл этого достаточно противоречивого суждения состоит не в том, чтобы отказать событиям войны североамериканских штатов за независимость в статусе преобразований революционного типа, но в констатации того действительного факта, что эти преобразования имели свою значительную специфику.

В целом можно утверждать, что именно Токвиль впервые обратился к сравнительному анализу Американской революции с европейским революционным процессом, с Великой французской революцией, выявил содержание этой специфики и глубоко ее объяснил. Уже после Токвиля на эти стороны американского революционного процесса обратили внимание историки прогрессистского направления в американской историографии и советская историческая школа. Сегодня их внимательно изучают российские исследователи. Достаточно вспомнить в этой связи работы 2000-х гг. В. В. Согрина [6–11] и Н. Н. Болховитинова [12; 13]. Их появление убеждает нас в том, что проблемы американской революционной истории, поднятые Токвилем в 30-е гг. XIX в., остаются актуальными и сегодня, что эвристический потенциал его знаменитой книги еще не исчерпан.

Библиографический список

1. Болховитинов Н. Н. США: проблемы истории и современная историография. — М., 1980.
2. Новая история стран Европы и Америки. — М., 1999.
3. Токвиль А. де. Демократия в Америке. — М., 2000.
4. Война за независимость и образование США. — М., 1976.
5. Краснов Н. А. Французская дипломатия в США во время войны за независимость 1775–1783 гг. // Новая и новейшая история. — 2009. — № 3.
6. Согрин В. В. Образование североамериканского государства: новое прочтение / В. В. Согрин // Новая и новейшая история. — 2002. — № 1.

7. Согрин В.В. Политическая власть, демократия и олигархия в Северной Америке колониального периода // Новая и новейшая история. — 2001. — № 1.
8. Согрин В.В. Политическая власть в США: характер и исторические этапы // Новая и новейшая история. — 2004. — № 2.
9. Согрин В.В. Война США за независимость как социально-политическая революция // Новая и новейшая история. — 2005. — № 3.
10. Согрин В.В. Экономическое неравенство в истории США // Новая и новейшая история. — 2009. — № 1.
11. Согрин В.В. История США. — М., 2003.
12. Болховитинов Н.Н. Новое мышление в изучении Великой французской революции XVIII в. // Актуальные проблемы изучения истории Великой французской революции. — М., 1989.
13. Болховитинов Н.Н. Американская цивилизация как исторический феномен // Американская цивилизация как исторический феномен: восприятие США в американской, западноевропейской и русской общественной мысли. — М., 2001.